

ГЛАВА 2

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II

Воронцов-Дашков попадает на Кавказ, когда там шел завершающий этап Кавказской войны и уже сложилась концепция этой войны. «Достопамятный исторический факт — умиротворение Кавказа» — так запишет военный министр Д. А. Милютин¹. Сквозь призму Кавказской войны просматривалась имперско-государственническая точка зрения: жестокое покорение Кавказа, заселение края русскими, полная интеграция Кавказа в состав империи. Кавказская проблема отражалась и в общественном сознании, но на этот счет не существовало единой позиции. Самой распространенной была идея о цивилизаторско-миссионерской роли России.

С именем наместника на Кавказе кн. А. И. Барятинского, командующего Кавказской армией, были связаны крупные военные операции против горцев и пленение Шамиля. Воронцов-Дашков попал в самый эпицентр военных событий. Он принимал активное участие в боевых действиях в отрядах Адагумском, Шапсугском, Даховском, Дагестанском² — ему принадлежала решающая роль в окружении чеченских аулов Ведено и Гуниба — последнего оплота Шамиля³. Воронцов-Дашков был назначен командиром конвоя главнокомандующего на Кавказе кн. Барятинского — таким образом, как отмечали биографы Воронцова-Дашкова, молодой граф «имел полную возможность выказать свои недюжинные и разносторонние способности». За особенные отличия в войне Воронцов-Дашков был произведен в чин ротмистра и получил в 1861 г. свою первую награду — орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и вскоре — золотую саблю с такой же надписью⁴.

А. И. Барятинский угадал в молодом офицере большие способности, приблизил к себе, давая ему всевозможные поручения. При этом, как впоследствии рассказывал сам Воронцов-Дашков, Барятинский привлек его к изучению экономического положения Кавказа и составлению докладов по разным вопросам гражданского управления, что впоследствии так пригодилось ему. По словам В. С. Кривенко, много лет сотрудничавшего с Воронцовым, «граф Илларион Иванович с особенною благодарностью вспоминал князя и время, проведенное при нем на Кавказе»⁵.

Воронцов-Дашков, адъютант кн. Барятинского, в Тифлисе коротко сошелся с семьей Андрея Михайловича Фадеева. Тот был также адъютант фельдмаршала, но старший, член Совета кавказского наместника. Как известно, С. Ю. Витте, родившийся в Тифлисе, провел свое детство в доме А. М. Фадеева — деда по материнской линии, о чем он подробно напишет в своих воспоминаниях. В семье Фадеевых Воронцов-Дашков нашел единомышленника в лице сына Андрея Михайловича —

Ростислава, получившего впоследствии известность в качестве военного писателя и публициста. «И вот эта близость, которая установилась между ними в то время, — вспоминал Витте, — соединила их на всю жизнь».

Но как только «наступило замирение», он покинул Кавказ почти одновременно с отъездом Барятинского за границу (1862 г.) и возвратился в Петербург⁶. У Воронцова-Дашкова на долгие годы сохранились дружественные отношения со своими товарищами по военной службе на Кавказе. В частности, об этом свидетельствует сохранившаяся в его личном архиве переписка⁷. «Кавказцы», в свою очередь, помнили о своем боевом товарище. Один из них — кн. И. Амилахвари, движимый «чувством личного воспоминания о нашей боевой жизни», послал Воронцову-Дашкову двадцать лет спустя знамя с гербом Воронцовых-Дашковых — древко знамени являлось памятью об одной из военных операций⁸.

В начале 1861 г. среди находившихся в Петербурге кавказских сослуживцев родилась мысль о «кавказских вечерах». Один из участников этих вечеров военный министр граф Д. А. Милютин (он был начальником штаба Кавказской армии при Барятинском) описал их в своих воспоминаниях. Инициаторами кавказских вечеров были Д. И. Романовский, флигель-адъютант Шереметев, статский советник И. Ф. Золотарев и адъютант штаб-ротмистр граф Воронцов-Дашков. Было решено ежегодно, в определенный день собираться всем, кому дороги воспоминания о Кавказе.

Постоянный участник «кавказских вечеров», писатель граф В. А. Соллогуб называл это «братство по Кавказу», собиравшееся в Демутовом трактире на Мойке, «Кавказским подворьем».

В 1862 г. Воронцов-Дашков был пожалован во флигель-адъютанты Александра II и, по воспоминаниям Витте, «Между ними с молодости установились дружеские отношения». Их не могла не сблизить и поездка Александра II с семьей за границу в 1864 г. Как писал С. С. Татищев в своем труде об Александре III, «августейшим детям» наскучил чопорный этикет германских дворов и они отправились на швейцарские озера. «Поездка была очень веселой... К обычной их свите присоединился их сверстник, сопровождавший государя за границу, молодой флигель-адъютант граф Воронцов-Дашков, состязавшийся в силе, смелости и ловкости с адъютантом наследника князем Барятинским»⁹.

В 1866 г. Воронцова-Дашкова как флигель-адъютанта, по повелению Александра II, командировали в только что созданную Туркестанскую область для инспекции войсковых частей — здесь разворачивались военные действия за обладание среднеазиатским регионом. В этой связи он должен был выполнить поручение дипломатического свойства: собрать точные сведения о настоящем положении дел в Туркестанской области и в соседних среднеазиатских ханствах и объявить жителям Ташкента, что «поданный ими адрес, в котором они изъявили желание вступить в число подданных России, был милостиво принят Государем <...> но что окончательно Высочайшее повеление <...> будет объявлено им впоследствии». Ему также предстояло раздать награды служащим войск, расположенных в Туркестанской области и Аральской флотилии за боевую службу.

Временный губернатор Туркестанской области и командующий войсками генерал-майор Д. И. Романовский был доволен Воронцовым-Дашковым, и Александр II из донесения Романовского узнал «об усердном, разумном и полезном содействии», которое тот оказывал губернатору в исполнении трудных обязанностей. Поэтому, по

повелению государя, пребывание Воронцова в Туркестанской области продлевалось «как для исполнения возложенных поручений, так и для пользы края»¹⁰.

Воронцов-Дашков не удовлетворяется ролью контролера и принимает участие в военных действиях¹¹.

Однако боевая деятельность Воронцова-Дашкова неожиданно прервалась — он сломал себе ногу и длительное время провел на костылях. В своем письме цесаревичу из Ходжента он сетует на то, что ему не пришлось быть участником победоносных сражений при Ир-Джаре и Ходженте, свидетелем бегства армии бухарцев. Вот что он сообщает о тех днях в одной из своих корреспонденций: «Не посчастливилось мне, Ваше Высочество, в Туркестанской области, сейчас же после первой встречи с бухарскими халатниками, сломал я ногу и вот уже четвертый месяц я без костылей ходить не могу, пролежал я Ир-Джар и Ходжент и не удалось мне посему видеть, как 60 000 армия улепетывала от первого натиска двенадцати микроскопических рот; любопытное зрелище, — в особенности странно то, что Бухарцы под артиллерийским огнем стояли отлично, исправно отвечали нашим из своих 20-ти орудий и казалось, хотят серьезно драться, но, когда, не дойдя сажен двести от укрепленной позиции, наши солдатики бросились „на ура!“ , то вся эта 60 000 масса, с необыкновенным единодушием, повернула от лева кругом и более их тут не видели». Однако, по мнению Воронцова, невзирая на большой успех, главная цель не была еще достигнута.

Цитируемое письмо представляет значительный интерес, поскольку автор излагает в нем свое видение правительственной политики в Средней Азии. Им предлагалась следующая стратегия. Дабы ограничить влияние Англии, необходимо было «малыми силами» занять всего лишь один пункт — Джюзак, занимавший ключевое стратегическое положение. Контролируя Джюзак, расположенный по единственному пути к Самарканду и к столице эмира Бухаре, Россия ставила Бухарское ханство в «совершенную зависимость» от себя. Одновременно делался невозможным «доступ» англичан в Бухару.

Придавая большое значение среднеазиатской торговле и отдавая должное российскому влиянию в этом регионе, Воронцов, тем не менее, был противником покорения Бухарского ханства, называя его «вредным». «Мне кажется, — писал он цесаревичу, — совершенно нерассудительным растрачивать нашу уже так растянутую границу, достигнуть того же, что можно достигнуть занятием одного Джюзака, нажить себе новых среднеазиатских соседей, т. е. новых врагов; тратить деньги и силы — все это кажется мне весьма нелогичным»¹². Как видим, его опасения в дальнейшем подтвердились. Важно отметить, что когда перед ним возникала альтернатива — широкая экспансия или локализация проблемы для ее наиболее успешного и эффективного решения — Воронцов-Дашков отдавал предпочтение последнему.

Едва поправившись, он вернулся в строй. Командовал авангардом под Мирза-Арабабатов (10 апреля 1866 г.), за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За рекогносцировку крепости Ура-Тоби, а также командование колонной при штурме крепости (24 сентября 1866 г.) он получил орден Георгия 4-й степени. Через месяц Воронцов-Дашков командует при взятии крепости Джюзак — последнего оплота бухарского эмира — и вновь за свои военные способности и проявленную храбрость он был удостоен ордена, на этот раз Св. Владимира 3-ей степени с мечами.

Романовский привлек Воронцова-Дашкова к административной работе и, по его личному ходатайству, Воронцова-Дашкова назначили помощником губернатора (1866 г.). Ему 29 лет, он — генерал-майор, назначен в свиту¹³.

Тридцати лет от роду гр. Воронцов-Дашков, благодаря своим боевым отличиям на Кавказе и в Туркестане, был назначен командиром лейб-гвардии гусарского его величества полка. Он является в столицу светским генералом (с 1866 г.), георгиевским кавалером. Он награжден не только российскими, но и европейскими орденами: Красного Орла 3-й степени, саксонско-веймерского Белого Сокола, французского Почетного Легиона и др.¹⁴

В 1867 г. Воронцов-Дашков женился на Елизавете Андреевне Шуваловой, внучке первого кавказского наместника кн. Михаила Семеновича Воронцова, приходившегося Иллариону Ивановичу троюродным дядей. Так вновь соединились две ветви Воронцовых. Их счастливый брак продлится без малого 50 лет — он уйдет из жизни первым, не дожив года до золотой свадьбы. А в 1892 г. была празднично отмечена их серебряная свадьба. Журнал «Всемирная иллюстрация» на первой странице поместил портреты четы Воронцовых-Дашковых. У них было восемь детей, они составили многочисленное потомство, оказавшееся впоследствии вне пределов родины...

Мать Елизаветы Андреевны, Софья Михайловна Воронцова (1825–1879), по существующей в пушкиноведении гипотезе, была дочерью А. С. Пушкина. Ей, предположительно, было посвящено оставшееся в черновике стихотворение поэта «Прошай, о милое дитя, я не скажу тебе причины...»¹⁵.

О тесте Иллариона Ивановича следовало бы рассказать более обстоятельно, ибо он был одной из приметных фигур в общественно-политической жизни столицы 60–70-х гг. В данном случае имело значение то, что Воронцова-Дашкова связывали с Шуваловыми не только родственные отношения, но и общность взглядов в годы, когда в Петербурге сформировалась так называемая аристократическая оппозиция. Гр. Андрей Павлович Шувалов (1816–1876) происходил из старинного русского рода, был сыном видного военного деятеля и дипломата Павла Андреевича и наследником большого состояния. Воспитывался у М. М. Сперанского, официального опекуна братьев Шуваловых¹⁶. Андрея Павловича можно было бы отнести к категории неисправимых фрондеров.

Граф А. П. Шувалов слыл своими либеральными воззрениями. До сих пор остаются не выясненными причины его кавказской ссылки. Шувалов не принимал господствовавшего направления в политике и не скрывал своих воззрений.

Шувалов возвратился в Россию в конце 50-х гг. и включился в борьбу вокруг подготовки реформы. Вместе с кн. Ф. И. Паскевичем он был одним из участников проекта 1859 г. по крестьянскому вопросу.

С самого начала возникновения земских учреждений он стал приверженцем земского дела, одной из ярких фигур в земском движении 60-х гг. По определению историков, это было «время зенита оппозиционных выступлений земств»¹⁷, и одной из наиболее крупных акций стали выступления петербургского губернского земского собрания конца 1865 г. Широко образованный, с твердыми убеждениями и инициативой, Шувалов отстаивал независимость городского самоуправления, принимал участие во многих комиссиях и комитетах, был гласным Петербургского губернского собрания.

Известно его выступление в Петербургском земском собрании в 1867 г. с резкой критикой одного из законов, ограничивавших права земств. По предложению Шува-

лова было принято решение ходатайствовать перед правительством о более гласном обсуждении вопросов, затронутых этим законом. Возмущение правительства вызвала не только содержательная часть выступления, но и резкий по форме тон отчета управы¹⁸. Правительство ответило на выступление петербургских земельных учреждений их закрытием и репрессиями, в числе которых была высылка гр. Шувалова в Париж. Шувалову было приказано в трехдневный срок покинуть Петербург в связи с «опасным либерализмом». Произошло это в год замужества дочери и, как сообщает об этом близкий к дому невесты Э. С. Андреевский, пришлось ускорить венчание, которое было «скоропалительным»¹⁹. Но Шувалов по прошествии времени появляется в столице и возвращается к общественно-политической деятельности, избирается петербургским губернским предводителем дворянства (1872–1876).

Вернувшийся в столицу Воронцов-Дашков оказался в среде оппозиционно настроенной аристократии. Прежде всего, это его ближайшие родственники: Ф. И. Паскевич — муж сестры Ирины, тесть А. П. Шувалов и его брат Петр Павлович Шувалов — один из активных участников подготовки реформ. С сыновьями известного общественного деятеля В. П. Орлова-Давыдова Воронцов-Дашков служил на Кавказе — все они состояли адъютантами кн. Барятинского и встречались в доме А. М. Фадеева. Как мы помним, именно там судьба свела его с Ростиславом Андреевичем Фадеевым. Все они были людьми разных поколений, но соединенными общением и неизбежным в этом случае обсуждением животрепещущих проблем своего времени. Предоставляемая возможность свободного самовыражения способствовала формированию воззрений Воронцова-Дашкова.

Богатая палитра общественно-политических настроений и взглядов, поливариантность выдвигаемых консервативными кругами требований о необходимости перемен, не могли оставить в стороне молодого и энергичного графа. Это произошло в период идейных поисков консерваторов, когда в русском консерватизме произошел сдвиг в направлении понимания необходимости модернизации сословно-социальных институтов, государственного переустройства²⁰. Однако аристократическая часть дворянства занимала позицию противников тех положений реформ, которые в какой-то мере могли лишать дворянство его традиционного главенства в обществе. Но при этом европейски образованной и просвещенной русской аристократии казались абсолютно неприемлемыми такие архаические институты, как сельская община с ее круговой порукой.

Одной из задач аристократической оппозиции являлось привлечение на свою сторону наследника великого князя Александра Александровича, и в этом можно было полагаться на Воронцова-Дашкова. Сближение последнего с цесаревичем усилилось в связи с новыми назначениями графа: в 1873 г. он поставлен командиром 2-й бригады Первой гвардейской кавалерийской дивизии, а в следующем году — начальником штаба гвардейского корпуса, командиром которого состоял цесаревич. Воронцов оставляет лейб-гвардии гусарский полк. Это назначение не стало очередным служебным продвижением Воронцова — оно способствовало сближению графа с наследником, переросшему в дружбу, которая продолжалась до самой кончины Александра III. Трудно назвать в окружении цесаревича, а затем императора, лица более доверенного, чем Воронцов-Дашков. Тому есть множество подтверждений, и одно из самых ярких — их переписка, продолжавшаяся столько, сколько длилась их дружба²¹.

Окружающие не оставили без внимания сближение Воронцова-Дашкова с цесаревичем. Говорили о большом влиянии, оказываемом на наследника Воронцовым-Дашковым, в том числе посредством публикаций в газете «Русский мир»²².

Упомянутая газета — «Русский мир» — была учреждена консерваторами в качестве печатного органа, столь необходимого для успешной реализации их программы. Важно отметить, что у истоков ее создания стоял Воронцов-Дашков, наряду с другими финансировавший газету. Среди активных участников создания газеты был единомышленник Р. Фадеева — генерал М. Г. Черняев. Можно говорить об «идеологическом триумvirате» тех лет: Фадеев, Черняев и Воронцов-Дашков. В числе учредителей газеты состояли также А. И. Барятинский, П. А. Шувалов. Но в обществе считали, что газета «Русский мир» находилась под покровительством Воронцова-Дашкова, близкого к наследнику престола²³. На страницах «Русского мира» печатались статьи Фадеева.

Трудно представить себе общественно-политическую жизнь первых пореформенных десятилетий без публицистических выступлений Р. А. Фадеева. Его военная публицистика и славянофильские воззрения пользовались большой популярностью. Свои взгляды он высказал в ряде статей под заглавием «Чем нам быть?», публиковавшихся в газете «Русский мир» и вышедших отдельной книгой под названием «Русское общество в настоящем и будущем» (1874 г.).

Фадеев — апологет «дворянской идеи»: он считал, что именно это сословие могло явить собой единственную общественную силу, способную стать надежной опорой для власти.

Фадеев стоял за сохранение земства и даже за расширение его функций, но только с тем, чтобы оно было исключительно дворянским. Не возражая против крестьянского самоуправления, он, тем не менее, настаивает на исключительно дворянском приоритете во главе волостного управления — в лице так называемых попечителей. Уездное управление также должно было быть отдано местному самоуправлению (дворянскому), как инстанции государственного управления, и, как следствие, предполагалась передача земствам административных функций, постепенное сокращение бюрократии «до необходимых пределов». Таким образом, полагал Фадеев, русское дворянство, тесно сплетенное с верховной властью, надолго бы обеспечило «правильное» развитие России и способствовало бы переходу к всесословности. Как мы убедимся далее, таких же позиций придерживался Воронцов-Дашков.

Фадеев почел необходимым ознакомить цесаревича со своим сочинением «Чем нам быть?» и обратился к Воронцову-Дашкову с просьбой оказать ему в этом содействие. Тот с готовностью рекомендовал брошюру Фадеева Александру Александровичу, находя ее «мастерски» написанной, «отлично» рисующей положение дел и в своих выводах «очень близкой к истине». Сам Фадеев в сопроводительной записке редижирует главную идею своей статьи — невозможность «обойтись в настоящее время в гражданском быте, как и в армии, без исторически зрелого слоя русских людей, сомкнутых политически»²⁴. Публикации Фадеева в газете «Русский мир» вызвали довольно бурную реакцию, прежде всего со стороны либералов. По их мнению, Фадеев как бы персонифицировал собой ту часть консерваторов, в рекомендациях которой о методе и средствах реализации реформы просматривалась революционность. Появляется новая дефиниция — «революционный консерватизм», объединявшая людей, которые не одобряли методов реализации реформы²⁵.

На начало 70-х гг. XIX в. пришлось обострение восточного вопроса. Балканский кризис усугубил противоречия между европейскими державами и Россией. Каждая из них имела свои интересы в османских провинциях, черноморских проливах. Россия, с ее нарастающим влиянием на Балканах, стремилась также занять ключевые позиции в Константинополе: проливы традиционно являлись ареной соперничества России и Англии.

Внутри самой России общественное сознание ответило на притеснение славянских народов движением за освобождение братьев-славян, «братушек», от турецкого ига, всколыхнувшим самые различные слои общества. Александр II даже разрешил офицерам выходить во временную отставку и в качестве волонтеров направляться на Балканы в состав действующей сербской армии²⁶. Отношение цесаревича Александра к этому тотальному стремлению русских к войне сильно отличалось от общих настроений. В те дни он записал в своем дневнике: «Вся Россия говорит о войне и желает ее, и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае, она будет одна из самых ненужных войн, и вся Россия ей сочувствует»²⁷. Однако события развивались так, как писал великий князь Николай Михайлович в своем историко-философском эссе «О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине»: «Вдруг после длительного мира Россию захватил какой-то вихрь славянолюбия, перешедший в течение двух лет (1875–1877) в такие формы, что, несмотря на миролюбие Александра II, он был увлечен потоком, а война с Турцией была объявлена манифестом 12 апреля 1877 года». Никто не хотел слышать разумные голоса об опасности вмешательства в чужие дела. Поэт кн. П. А. Вяземский писал гр. С. Д. Шереметеву: «Народ не может желать войны. Война может быть для нас теперь не только вред, но и гибель». И главным заблуждением русского человека Вяземский и солидарный с ним великий князь называли славянофильство: «Мы считаем себя больше славянами, нежели русскими. Русская кровь у нас на заднем плане, а спереди — славянолюбие. Единоверство тут ничего не значит». И, завершая свою мысль, Вяземский заключает: «Восточный вопрос очень легок на подъеме, и мы любим подымать его, но не умеем поставить на ноги и дать ему „правильный ход“». Вяземский рассчитывал на то, что в «немой России», быть может, когда-нибудь будет услышан его «трезвый голос»²⁸.

Насколько Воронцов-Дашков был увлечен славянофильскими идеями? По верно-му определению В. С. Кривенко, «Славянское движение середины 70-х годов подхватило графа» — думается, что не без влияния Р. Фадеева. Воронцов деятельно занимается вербовкой добровольцев-офицеров, снабжением и отправкой их в Сербию. Из своих личных средств он передает в распоряжение Черняева, как известно, возглавившего сербскую армию и тем самым инициировавшего наплыв добровольцев в Сербию*, 10 тыс. рублей; вероятнее всего, были сделаны и другие пожертвования. Однако славянофильство Воронцова-Дашкова не имело глубинного характера, а было следствием порыва, не оставившего никакого следа в его мирознании.

12 апреля 1877 г. был подписан манифест о начале войны с Турцией. Были созданы две армии: Дунайская, под началом великого князя Николая Николаевича старшего, и Кавказская, руководимая великим князем Михаилом Николаевичем. Цесаревич Александр Александрович получил в командование Рушукский отряд, который был

---

* В эти же годы (1873–1878) Черняев был владельцем газеты «Русский мир», активно пропагандировавшей славянофильские идеи.

сформирован в результате соединения XII и XIII армейских корпусов²⁹. Целью его являлся захват важного в стратегическом плане опорного пункта — крепости Рушук. Оставить рушукскую группировку у себя в тылу было невозможно. Отряд имел в своем составе 49 батальонов, 2 роты, 22 кавалерийских эскадрона, 19 казачьих сотен и 224 орудия³⁰.

С самого начала войны Воронцову-Дашкову было поручено стать во главе гвардейского корпуса. Он провел мобилизацию гвардии, лично участвовал в разведках, готовил войска к бою, но неожиданно из главной квартиры последовало распоряжение о его командировании в Рушукский отряд. Исходя из поставленных перед отрядом стратегических задач особая роль отводилась кавалерии: при продвижении отряда ей предстояли самостоятельные военные действия. В данной ситуации оптимальной кандидатурой на место начальника кавалерии Рушукского отряда являлась фигура Воронцова-Дашкова. Приказом от 5 июля 1877 г. генерал-адъютант Воронцов-Дашков был назначен начальником всей кавалерии (за исключением казачьих войск)³¹, т. е. 22 кавалерийских эскадронов. Балканы — это третий театр военных действий, в которых участвовал 40-летний Воронцов.

С 17 ротами и двумя полками кавалерии он атаковал 9 турецких батальонов под начальством Азиз-паши, и после упорного боя овладел неприятельской позицией³². В 20-х числах июня 1877 г. Воронцов временно покидает отряд в связи с отъездом в Петербург по случаю объявления мобилизации гвардейского корпуса³³. Ввиду поражения русской армии под Плевной цесаревич принимает решение приостановить движение Рушукского отряда. Наступившая пауза дает возможность Воронцову заняться делами гвардейского корпуса. Затем он вновь возвращается на театр военных действий. Принимает участие в ряде военных операций, доводит первые эшелоны гвардии до Плевны. После этого он должен был вернуться в Рушукский отряд. За боевые заслуги Воронцов награждается орденом Белого Орла с мечами³⁴. Однако вскоре по болезни покидает театр военных действий*. Тяжелейшие потери под Плевной обострили и без того сложные взаимоотношения между главнокомандующим Дунайской армией великим князем Николаем Николаевичем и командующим Рушукским отрядом. Александр Александрович назвал действия Николая Николаевича и его штаба безрассудными и даже предательскими.

Воронцов-Дашков следит за ходом военных действий и ведет активную переписку с Александром Александровичем, обсуждает те или иные назначения, перестановки в командном составе армии, советует. Шлет свои поздравления в связи со взятием Шипки и, наконец, Плевны: «Ура! Плевно взято. Душевно поздравляю Ваше Величество и воображаю, какой у Вас и во всей армии восторг. — Что за несчастье, что нога не позволяет быть около Вас! Много горя, слез и разочарований соединено с именем Плевна и дай Бог этому горю забыться поскорее, но, не дай Бог, чтобы когда-нибудь были забыты плевенские уроки». За мужество, проявленное «при действиях войск Рушукского отряда и в деле с турками при Есерджи 14 июля 1877 г.» Воронцов-Дашков был пожалован кавалером Императорского и Царского ордена Белого Орла с мечами.

Блестящая карьера Воронцова-Дашкова, его яркая самостоятельность, близость к цесаревичу не всем пришлась по вкусу. Он принадлежал к партии цесаревича и дол-

* Что же касается Рушукского отряда, то после удачных операций осенью 1877 г. (разгром армии Сулейман-паши у села Мечки) отведенная ему роль практически завершилась.

жен был стать жертвой сложных отношений последнего с главнокомандующим армией великим князем Николаем Николаевичем. Перевод цесаревича с должности начальника гвардейского корпуса, где Воронцов был начальником штаба, в Рушукский отряд, также рассматривался как понижение. Уже позже, когда в Вене, где он находился на лечении, до Воронцова дошли слухи об упоминавшемся, но так и не состоявшемся возвращении Александра Александровича в гвардию, он написал цесаревичу: «Следовательно, Николай Николаевич восторжествовал, и Ваше Высочество находится в том же неопределенном положении, во главе отряда, с неопределенной и пассивной целью». И далее: «Я смотрю на этот наружный успех Николая Николаевича, как на нравственное поражение, после которого Главнокомандующий еще более опустится в общественном мнении и в мнении здравомыслящих военных людей»³⁵.

Воронцов-Дашков, «скрепя сердце», препроводил цесаревичу свою докладную записку об отчислении его от должности, номинально им занимаемой³⁶. Александр Александрович, получив докладную записку, ответил ему в тот же день, прося не давать ей хода. «Постараюсь на днях выехать к вам и переговорить об этом», — пишет он Воронцову³⁷. Само назначение на эту должность, в кавалерию Рушукского отряда, даже под начало цесаревича, рассматривалось Воронцовым как несправедливое понижение в должности, укол его самолюбию. В. С. Кривенко, много знавший о Воронцове от него самого, вспоминал: «Искусно нанесенный удар больно отозвался на графе»³⁸.

Желая как-то смягчить обиду, цесаревич представил Воронцова-Дашкова на должность начальника 2-ой гвардейской пехотной дивизии. Воронцов-Дашков ответил ему из Ново-Томниковского имения: «Позвольте мне Вас искренне благодарить за представление, я в нем вижу Ваше доброе ко мне расположение и желание иметь около себя; вот что особенно дорого. — Я, в этот год (1878. — Д. И.-З.) сильно изменился и многое мне послужило хорошим уроком, честолюбие во мне убили, осталось только желание быть посылно полезным, тем, кого люблю, если смогу к чему-нибудь пригодиться Вашему высочеству — буду счастлив»³⁹. Это заявление говорит о многом и является ключом к пониманию личности Воронцова-Дашкова. Его отличало умение пересмотреть прошлые убеждения, признать их, на его взгляд, ошибочными.

В 1878–1879 гг. Воронцов-Дашков много времени проводил в своем родовом тамбовском имении — Ново-Томниково, которое занимало особое место в жизни графа. Воронцов-Дашков стал владельцем этого имения после смерти отца. Располагалось оно в 35 верстах от Маршанска. Площадь его к концу 1890-х гг. составляла около 20 тысяч десятин. Высокоэффективная экономика имения, способы хозяйствования в нем могли бы служить образцом в ряду наиболее развитых и капитализированных помещичьих хозяйств того времени. Хозяйство имения было многоотраслевым: льноводство, лесное хозяйство, винокуренные и крахмальные заводы, скотоводство⁴⁰. Но особой гордостью хозяина был пользовавшийся известностью конный завод, основанный в 1859 г. для разведения рысистых орловских лошадей. Воронцов, смолоду принимавший участие в скачках, держал известную скаковую конюшню. Успехи в области коневодства были отмечены избранием Воронцова-Дашкова президентом Императорского Санкт-Петербургского рысистого общества и вице-президентом Императорского скакового общества. Забегая вперед, следует сказать, что в 1881 г. он будет назначен главноуправляющим государственным коннозаводством.

Ново-Томниково — место досуга, излюбленного времяпрепровождения. Граф много занимается хозяйством, присматривается к окружающей его «народной» жизни и следит за развитием политической ситуации в стране.

Многое из того, что пришлось наблюдать Воронцову-Дашкову в деревне, он описывает в своих систематических корреспонденциях Александру Александровичу, называя их своими «тамбовскими рассказами»⁴¹.

1. Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 118, 121.
2. Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей. СПб., 1904. С. 34.
3. Зиссерман А. Л. Фельдмаршал кн. А. И. Барятинский. М., 1890. Т. 2. С. 222–225, 264–266, 281–301.
4. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 8. Л. 3–3 об., 5–5 об.
5. Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова // Вестник Красного Креста. 1916. № 2. С. 479.
6. Зиссерман А. Л. Фельдмаршал кн. А. И. Барятинский. Т. 2. С. 398, 412–414.
7. ОР РГБ. Ф. 58/1. Картон 3 2. Д. 17–19, 21.
8. Там же. Д. 19. Л. 3.
9. Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 313; Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича. М., 2002. С. 372.
10. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 184. Л. 5 об. В личном архиве Воронцова-Дашкова сохранились различного рода документальные материалы о военном и гражданском управлении Туркестаном. Д. 203.
11. Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова. С. 484–485.
12. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 1–3 об.
13. Список генерал-адъютантам свиты Его Величества, генерал-майорам, флигель-адъютантам и генералам, состоявшим при особе Его Императорского Величества. Испр. по 1 августа 1870 г. СПб., 1870. С. 716.
14. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 8. Л. 35а.
15. Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. № 10. С. 38–43.
16. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. С. 302.
17. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 66.
18. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870 гг. М., 2002. С. 194.
19. Андреевский Э. С. Записки. Из архива К. Э. Андреевского. Одесса, 1913. Т. 2. С. 392.
20. Гросул В. Я. В эпоху реформы 1861 года (1856–1866 гг.) // Русский консерватизм XIX столетия. С. 212–213.
21. Переписка Александра III и И. И. Воронцова-Дашкова опубликована в кн.: Исмаил-Заде Д. И. Указ. соч. С. 201–266.
22. Вот что записал в своем дневнике известный предприниматель и общественный деятель Ф. В. Чижов: «Воронцов теперь овладел умом наследника и в газете («Русский мир». — Д. И.-З.) все введенное настоящим царствованием <...> отрицается <...> наследник вооружается против власти» (ОР РГБ. Ф. 332. Картон 3. Д. 3. 1874. Л. 2).
23. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 132; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. С. 261–262.
24. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 202–203, 206.
25. Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 288.
26. Барковец О., Крылов-Толстикович А. Незвестный император Александр III. М., 2002. С. 42–43.
27. Там же. С. 44.
28. Цит. по публикации: Исмаил-Заде Д. И. О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине // Родина. М., 1993. № 1. С. 106.

29. Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. II. С. 169.
30. *Барковец О., Крылов-Толстикович А.* Неизвестный император Александр III. С. 55.
31. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. Вып. 16. С. 121; Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Т. II. С. 247.
32. [*Руммель В.*]. Воронцов-Дашков И. И. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 7. С. 219.
33. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Вып. 16. С. 139.
34. Современники. Т. II. С. 100.
35. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 68 об.
36. Там же. Л. 70.
37. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 6. Л. 3.
38. *Кривенко В. С.* Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова. С. 485.
39. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741.
40. Более подробно см.: *Пенькова О. П.* Тамбовские имения графа И. И. Воронцова-Дашкова (конец XIX — начало XX вв.) // Воронцовы — два века в истории России. Вып. 4. Петушки, 1999. С. 85—89.
41. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 81.